

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО «УНИВЕРСИТЕТА ГУМБОЛЬДА»

А.И. ЗАВАЛЕЙ

Общая идея и набросок институциональной структуры немецкого университета Просвещения (*Aufklärung*) представлены в сочинении И. Канта *Спор факультетов* (*Der Streit der Fakultäten*, 1798). Университет для Канта является инструментом решения стоящей перед человечеством (*Menschheit*) исторической задачи — просвещения, которое Кант видел как выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Освобождение от авторитета и использование собственного рассудка — вот задача и обязанность человечества. Более реалистичным Канту представляется просвещение не отдельной личности, а всего общества. Условием выхода человечества из состояния несовершеннолетия является правильное применение свободы мысли и свободы слова: «...публичное пользование собственным разумом всегда должно быть свободным, и только оно может дать просвещение людям. Но частное пользование разумом нередко должно быть очень ограничено, но так, чтобы особенно не препятствовать развитию просвещения. Под публичным же применением собственного разума я понимаю такое, которое осуществляется кем-то как ученым, перед всей читающей публикой»¹. Приведенное выше определение частного и публичного применения разума необычно. Человек осуществляет частное применение своего разума, являясь «частью некой машины», т.е. исполняя социальную роль налогоплательщика, священника или чиновника. Публичное применение разума имеет место тогда, когда человек размышляет как разумное существо (а не как часть социальной машины), как член разумного человечества. М. Фуко отмечает, что Кант употребляет здесь глагол «*rezonieren*»: «Слово это, употребляемое также и в «Критиках», оказывается, соотносится не с каким угодно употреблением разума, а с таким, при котором последний не имеет иной цели, кроме себя самого...»².

Таким образом, круг субъектов, способных к публичному применению разума, сужается — это по преимуществу ученые, а среди последних — философы.

Политическим условием публичного употребления разума выступает власть, призванная поддерживать повиновение и быть сообразной всеобщему разуму. Инструментом, при помощи которого просвещенная власть может осуществить переход к совершеннолетию, является университет, и, прежде всего, философский факультет. Именно поэтому Кант подчеркивает, что университет основан на разуме; разум является имманентным объединяющим принципом университета.

Структура университета должна отражать запросы просвещенной разумом власти: «Согласно разуму (т.е. объективно) побудительные причины, которые может использовать правительство для [достижения] своих целей, идут в следующем порядке: сначала вечное благополучие каждого, затем гражданское благополучие каждого как члена общества и, наконец, физическое благополучие (жить долго и быть здоровым)»³. Эти цели достигаются посредством соответственно высших факультетов — богословского, юридического и медицинского. Правительство сохраняет за собой право контролировать содержание образовательных программ высших факультетов. Учения, излагаемые тремя высшими факультетами, исходят из воли начальства, следовательно, не имеют своего источника в разуме, иначе эти уставы не могли бы требовать утвержденного правительством беспрекословного подчинения. Три высших факультета выполняют функции социальной интеграции: основываясь на традиции и авторитете, они воспитывают граждан.

Кроме трех высших факультетов существует факультет низший — философский, чья работа строится не на предписанном высшими властями учении, а на разуме. Философский факультет контролирует три высших факультета и проверяет истинность всех учений, — это по преимуществу факультет критики. Каким же образом философский факультет исполняет возложенную на него обязанность — просвещение народа? Философский факультет ведет публичный, основанный на автономии разума, спор с высшими факультетами. Спор между факультетами может касаться

только теоретических вопросов, а не должностных уставов, так как нельзя наносить ущерб престижу правительства. Спор подготавливает отмену всяких ограничений свободы общественного мнения со стороны правительственной власти.

Политическим условием спора факультетов является автономия университета, что порождает парадокс: одна из функций университета исключает другую. Воспитание граждан и будущих чиновников требует надзора за «уставами» трех высших факультетов и обратное, контроля факультетов над применением знаний чиновниками; с другой стороны, воспитание граждан как принадлежащих не государству, но человечеству требует автономии разума, а следовательно, и университета как структуры, на разуме основанной.

Человек не склонен осуществлять моральную цель, диктуемую ему разумом, — создание «всеобщего правового гражданского общества». Однако у природы существует собственная цель относительно человечества как класса животных — совершенное и целесообразное развитие всех задатков людей. Осуществляя собственную цель, природа одновременно достигает и цели, вмененной человеку практическим разумом.

Таким образом, Кант приходит к компромиссу: эмпирический опыт нравственности обретает легитимность посредством действий разума; прогрессивное движение природы должно подкрепляться действиями практического разума.

Решение Кантом проблемы институализации автономного разума в гетерономном университете неординарно — он предлагает создание фикции автономного разума. Как просвещенный деспот может править согласно либеральным законам и в республиканском духе (даже если его подданные не изъявляют регулярно свои желания), так и университетская власть может утверждать автономность разума. Таким образом, университет Канта представляет собой некий утопический проект: государство разума должно дать образование человечеству, тогда как основание подобному государству может положить только образованное человечество.

Кант, основывая университет на идее разума, наделяет его следующими функциями: а) обеспечение прогресса человечества через прогресс знаний и легализацию морали;

б) обеспечение гражданской социализации. Объединяя две эти функции в одной, подчиненной правительству институции, Кант делает возможным их слияние — представление о первой цели лишь как о продолжении второй, — что влечет за собой подмену власти автономного разума властью правительственной.

Противоречие, на котором Кант построил свой проект университета, получило разрешение в работах немецких идеалистов. Решение, говоря кратко, являет собой культуру, понятая как процесс эстетического воспитания. Именно культура позволяет перейти от природы к разуму, не разрушая при этом самой природы. Так, искусство устраняет из природы момент случайного (чтобы дать место морали), однако оно не дает разуму полного освобождения от природы. Образование стало пониматься как процесс развития моральной личности, в которой красота является промежуточной ступенью между хаосом природы и четкими априорными структурами чистого разума»⁴.

Однако если основной целью университета Канта было воспитание человека как принадлежащего человечеству, то для последователей Канта обретение рационального самосознания означает и обретение национальности: культура понималась не только как инструмент построения государства разума (Шлейермахер), но и как средство формирования национальной идентичности. Культура способна обеспечить эволюционный переход к самосознанию и самоопределению. Таким образом, немецкий университет оказывает двойственную поддержку государству: с одной стороны, противостоит разрушению и революции, с другой стороны, «вручает народу идею нации-государства как жизненный ориентир, а нации-государству — народ, способный жить согласно этой идее»⁵.

Кроме того, культуре свойственна самотождественность. Она гарантирует единство всех знаний (Wissenschaft), являющихся объектом изучения в университете посредством национального языка. Процессом постижения подобного единства является образование как культивация личности, ее облагораживание. Образование обучает приобретению знания как процессу, как критической способности, а не преподает его как результат.

Планы создания университета в Берлине существовали с самого начала эпохи прусских реформ [см.: *Фихте*. Сводный план создания в Берлине высшего учебного заведения (1807); *Шлейермахер*. Мысли, касающиеся университетов, как их понимают в Германии, с приложением о новом университетском заведении (1808); *Штеффен*. Об идее университета и *Шеллинг*. Лекции о методе академической учебы (1803)], но реализовал их Вильгельм фон Гумбольдт.

В проекте Берлинского университета [*О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине* (Über die innere und äussere Organisation der höheren wissenschaftlichen Anstalten in Berlin, 1810); *Предложение к учреждению Берлинского университета* (Antrag auf Errichtung der Universität Berlin, 1809)] Гумбольдт пытается создать сбалансированную систему, отвечающую интересам как «чистой идеи науки» («объективной науки»), так и государства [«субъективного образования» (subjective Bildung)]. Сущность высших научных заведений состоит в развитии духовной жизни людей, которых досуг или внутреннее стремление приводят к науке и исследованию. Гумбольдт подчеркивает, что для обучения в университете предлагается «учебный материал, не специально подобранный, но по самой своей природе пригодный для духовного и нравственного образования». Таким образом, постижение всей совокупности знаний, несоизмеримых с индивидуальной способностью понимания, заменяется изучением сущностного единства знания (Фихте), легитимирующего и организующего все знание в целом. Роль университета в государстве не ограничивается функцией гражданской социализации, которую призван был исполнять университет Канта. «Университет должен был принять на себя [по плану Гумбольдта] опосредующую, культурную функцию, возложенную на нее государством: поиск объективного культурного смысла государства как исторической величины и одновременно субъективное нравственное воспитание граждан-субъектов как потенциальных носителей этой идентичности»⁶. Связь между государством и университетом становится гораздо крепче, так как основание университета — культура — не является больше трансцендентным для государства; оно само воплощает ее, как университет Просвещения воплощал идею чистого разума.

«Наука в чистом виде», с одной стороны, требует уединения и свободы, с другой стороны, «духовная деятельность человечества может развиваться только как взаимодействие». Таким образом, когда речь идет о научном аспекте деятельности высших учебных заведений, вмешательство государства должно быть только формальными. Но «совершенно чуждые» институциональные формы, которые государство налагает на науку, воздействуют отрицательно и «низводят духовное и возвышенное до уровня материальной действительности»⁷. Для исправления возможных недостатков

«государство должно прежде всего представлять себе внутреннюю сущность [науки]». Кроме того, государство должно осуществлять «правильный выбор»⁸ людей, занимающихся научной деятельностью, и гарантировать свободу их деятельности, которой угрожает «определенный дух» самих учреждений. Такой способ комплектации должностей обеспечивал со стороны министерства защиту от предвзятости мнений факультета.

Основной целью государства является «духовное и нравственное образование», так как «государству, как и человечеству, нет дела до знаний и речей, а есть — до характера и действий человека»⁹. Таким образом, стремления власти и высших научных учреждений в своих главных целях не совпадают. Однако Гумбольдт вслед за Кантом утверждает следующее: «... государство не должно требовать от них [высших научных заведений] ничего, что непосредственно и напрямую относилось бы к нему, но сохранять внутреннюю убежденность в том, что, когда они достигнут своей конечной цели, они выполняют и его задачи, причем в намного более широкой перспективе, с большой широтой охвата»¹⁰.

Занятие наукой требует «тройственного устремления духа», способного предотвратить негативное влияние власти. Ученый должен, во-первых, выводить все из некоего первоначального принципа, во-вторых, стремиться к идеалу, и, в-третьих, стремиться объединить и принцип, и идеал в единую идею. Подобное стремление духа чаще всего выражается в философии¹¹ и искусстве, откуда посредством логики и математики проникает в другие отрасли познания.

Самое известное требование, предъявляемое Гумбольдтом к высшим учебным заведениям, — это требование непрерывности исследования и преподавания. Необходимость этого требования проистекает из недопустимости односторонности и экстенсивного накопления наблюдений. Принцип единства преподавания и исследования исключает любую форму обязательства перед внешним авторитетом и однозначно фиксированным знанием. Свободное общение и возобновляющееся постижение наук, возникающие при преподавании, являются вспомогательными средствами исследования; в этом смысле все представители университета должны быть исследователями. Единство исследования и преподавания гарантировалось фигурой университетского преподавателя-исследователя, свободой выбора лекций для студентов, институтом семинаров и связью университета с другими научными учреждениями, в первую очередь с академией.

Проект университета Гумбольдта выглядит как дополнение к государственному аппарату, как институт диалога с властью. «Университет стремится воплотить мысль как действие, направленное к идеалу; государство должно реализовать действие как мысль, как идею нации. Государство берет под свою защиту деятельность университета, университет хранит мысль государства. И оба они стремятся

реализовать на практике идею национальной культуры»¹². Между тем социальная функция университета не ограничивается образованием будущих служащих государства. Университет и власть тесно связаны единым конституирующим элементом — национально укорененной культурой. Таким образом, естественной функцией университета становится формирование национальной идентичности.

Университетский проект Гумбольдта — не единственный проект вписанного в структуру власти образовательного учреждения. И.Г. Фихте (1762 — 1814) предлагал более радикальное единение университета и государства. Фихте вслед за Кантом понимает воспитание и образование как средство для достижения высшей цели человечества — совершенства. Последняя цель человечества имеет как правовой аспект (создание правового государства), так и морально-эпистемологический (нравственное облагораживание человека). Вторая необходимая цель человечества — чтобы природа была подчинена власти научного понятийного аппарата с тем, чтобы не препятствовать целям культуры.

Проект университета Фихте носит подзаголовок *«Понятие высшего образовательного заведения, как оно требуется обстоятельствами эпохи»* (*Begriff einer durch die Zeitbedürfnisse geforderten höheren Lehranstalt überhaupt*, 1807). Кроме термина «университет», Фихте часто использует для определения высшего образовательного учреждения понятие «академия» (*Akademie*), оговаривая при этом, что понимает академию в античном смысле. Именно поэтому основным методом обучения становится сократический диалог, при этом ученик должен сам постигать материал, — данный ему преподавателем (§7)¹³. Основная цель университета — практическая — научить применять знания в жизни и претворять их в дело (§5). Выпускники университета становятся по преимуществу высшими государственными чиновниками (§42). Университет должен обучать искусству критики (§6), став, таким образом, «школой искусства научного употребления рассудка (*Verstand*)» (§5); а кроме того, осуществлять «общее воспитание» нации (§17). Университет как институция тесно связан с государством-нацией (§§45, 46): во-первых, Фихте настаивает на немецком языке как языке академической жизни; во-вторых, между отдельными областями государства и студентами должны складываться патронажные и клиентские отношения на основании денежного содержания областями студентов. Кроме того, Фихте рекомендует монарху выделять места в университете для студентов-

иностранцев из других немецких государств; это должно свидетельствовать о «прусской заботе о немецком братстве» (§47). Студенты из других (не немецких) государств не могут обучаться в Берлинском университете.

В своем проекте университета Фихте уделяет много внимания особенностям академической жизни студентов и преподавателей, но вопросы академической свободы им не рассматриваются. Однако одна из публичных лекций, прочитанных двумя годами раньше написания проекта Берлинского университета, «*О сущности ученого и ее явлениях в области свободы*», посвящена этому вопросу. Академическую свободу Фихте понимает не как свободу научного поиска, а как личную свободу учащихся. Исторически возникновение академической свободы связано с различием между «приготовительными школами» и университетами. Государство, заботясь о благе учащегося, «должно поэтому не просто предоставлять ему, как и всякому другому гражданину, возможность нравственного образования, но должно... ставить учащегося перед внешней необходимостью усвоить себе это образование»¹⁴.

Проект университета Фихте разительно отличается от рассмотренных нами проектов. Во-первых, основной функцией университета является прагматическая функция образования будущих чиновников, что сближает его с моделью Императорского университета, учрежденного Наполеоном. Во-вторых, фихтеанский университет укоренен в государстве — цели этих институций совпадают уже в настоящее время. Государство обеспечивает материальную свободу университета и контролирует воспитание студентов¹⁵. В-третьих, университет этнически укоренен именно в прусском государстве: прусский университет существует именно для родины (§40). В-четвертых, университет образован по принципу монашеского ордена, что сближает его с современными Фихте университетами Англии¹⁶.

Проблема прогресса естественнонаучных дисциплин волнует Фихте гораздо меньше, чем вопрос об условиях прогресса нравственности народа. Университет в большей степени является воспитательным, а не научным заведением. Фихте создает платоническую образовательную структуру, которая трансформирует понятие *Bildung* просто в педагогическую теорию с заранее определенным патриотическим содержанием.

Примечания

- ¹ Кант И. Что такое просвещение // Соч. в 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 28.
- ² Foucault M. What is Enlightenment? (Qu'est-ce que les Lumières?) // Rabinow P. (ed.). The Foucault Reader. New York: Pantheon Books, 1984.
- ³ Кант И. Спор факультетов // Цит. соч. С. 317.
- ⁴ См.: *Readings B.* The University in Ruins. Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1996.
- ⁵ Ibid. P. 65.
- ⁶ Ibid. P. 68.
- ⁷ Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2 (22). С. 7.
- ⁸ В описываемый период государство имело решающий голос при назначении на профессорские должности уже существующих кафедр и решало вопрос о создании новых. При назначении на должность профессора факультет предлагал министерству образования несколько кандидатур, иерархически упорядоченных по трем группам (*primo*, *secundo* и *tertio loco*). Эти кандидатуры не являлись обязательными для министра, который мог назначить другого профессора вопреки мнению и рекомендациям факультета.
- ⁹ Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине.
- ¹⁰ Там же. С. 8.
- ¹¹ В университете Гумбольдта руководство взял на себя философский факультет, институционально воплотив тем самым представление Канта о назначении «низшего» факультета. Философский факультет объединяет в себе – помимо теологии, юриспруденции и медицины – все естественные науки. Только к середине XIX в. самостоятельность естественнонаучного факультета в немецких университетах становится обычным явлением.
- ¹² *Readings B.* The University in Ruins. P. 69.
- ¹³ Цит. по: *Fichte I.G.* Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höheren Lehranstalt. Fichte in Context. – Werke CD-ROM. – 2te Auflage.
- ¹⁴ См.: *Фихте И.Г.* О сущности ученого и ее явлениях в области свободы // Наставления к блаженной жизни. М., 1997. С. 222.
- ¹⁵ По существу, для реализации воспитательного проекта Фихте требуется монарх-философ: «Тот, кто берется руководить и упорядочивать свою эпоху и ее порядки, должен стать выше их, не только исторически знать их, будучи пленником этого знания, но и вполне понимать их и постигать в понятии» (*Фихте И.Г.* О сущности ученого и ее явлениях в области свободы // Наставления к блаженной жизни. М., 1997. С. 233). Те же самые характеристики отличают, по Фихте, и истинного ученого.
- ¹⁶ «В самопрезентациях университета Гумбольдта его концепция восхвалялась как золотая середина между английской и французской университетской моделью» (*Шнедельбах Г.* Университет Гумбольдта // Логос. 2002. № 5 – 6 (35). С. 3).